

МАТЕРИАЛЫ К 45-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ ТРУДА
А. А. АДАМЯНА "ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
АРМЕНИИ. ЭПОХА РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА"

I. О КНИГЕ А. А. АДАМЯНА «ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ. ЭПОХА РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА»

Я. И. ХАЧИКЯН

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ТРУДА А. А. АДАМЯНА
«ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ.
ЭПОХА РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА»

А. А. Агамян
(1884 - 1956)

Думается, было бы небесполезным вкратце ознакомить читателя с историей создания классического труда А. А. Адамяна «Эстетические воззрения средневековой Армении. Эпоха раннего феодализма», ознаменовавшего зарождение науки об истории эстетической мысли в Армении.

Идея обращения к истории армянской эстетической мысли возникла у А. А. Адамяна еще в довоенные годы, когда он читал в вузах Ленинграда курс лекций по истории эстетических учений, которые он хотел пополнить армянским материалом. На это его подтолкнуло также ознакомление с известным трудом Н. Адонца «Дионисий Фракийский и армянские толкователи», в котором он сквозь

грамматическое обрамление усмотрел проявление эстетических воззрений армянских толкователей грамматики. Однако вплотную приступить к осуществлению своего замысла он смог лишь после переезда в Ереван из Ташкента, где с начала войны вместе с Ленинградской консерваторией находился в эвакуации. В письме из Еревана от 4 декабря 1943 г. своей бывшей студентке Н. Рогожиной

он пишет: «Скажу Вам, что здесь я прибавил к своим интересам новую тему, которую двигать по-настоящему все не могу никак. Тема эта — история армянской эстетической мысли (начиная с V века). Хочу, однако, надеяться, что с организацией в Армении Академии наук — чему здесь все мы безумно рады — сложатся более благоприятные организационные условия и для этой, для меня крайне интересной темы». И действительно, А. Адамян был оформлен старшим научным сотрудником Сектора философии вновь созданной АН АрмССР, где сразу же приступил к исследованию занимавшего его вопроса. Дополнительным стимулом к этой работе стала зародившаяся тогда и сохранившаяся до конца жизни личная и творческая дружба с сотрудником того же сектора, впоследствии членом-корреспондентом АН АрмССР В. К. Чалояном, одним из самых деятельных, активных основоположников изучения истории армянской философской мысли, который в те же годы работал над своей докторской диссертацией «Философия Давида Непобедимого».

Они были совершенно разными людьми, со своим устоявшимся складом мышления, своим отношением к различным сторонам жизни, с разным темпераментом — взрывной гюмриец В. Чалоян и степенный петербуржец А. Адамян. Но это были отмеченные благородством личности, их сблизило и объединило общее поле деятельности, беспредельная, я бы даже сказал самозабвенная, преданность научному поиску, своему народу, людям, высокое чувство гражданственности. Оба новаторы, пролагавшие новые пути в науке: В. Чалоян в области утверждения истории армянской философии, А. А. Адамян в роли зачинателя нового направления арменоведения — истории армянской эстетической мысли. Никогда не пасуя перед трудностями и ударами судьбы, они неуклонно, последовательно, «медленно, но верно», как говорят немцы, продвигали вперед дело, которому отдавали все свои силы без остатка.

После напряженной работы в Матенадаране и в библиотеках Еревана А. Адамян опубликовал статью «Из истории эстетических воззрений древней Армении. Искусство как полезная деятельность» («Известия АН АрмССР». Серия «Общественные науки», 1946, № 4, с. 9 — 22), которая была представлена как глава из работы «Эстетические воззрения в древней Армении» (так А. Адамян первоначально думал назвать весь труд). В том же году вышел в свет труд В. Чалояна о философии Давида Непобедимого. Отечественная наука сразу же

обогадилась двумя замечательными исследованиями в области истории армянской философской и эстетической мысли. Однако радость они вызвали далеко не у всех. Группа воинствующих записных «стражей» идеологической чистоты приняла в штыки оба произведения, и началась многолетняя травля в республиканской и всесоюзной печати, на различных совещаниях-обсуждениях этих двух безукоризненных тружеников, я бы сказал подвижников, науки. Как только не поносили их, какие только ярлыки не наклеивали, обвиняя во всех мыслимых и немыслимых прегрешениях.

Показательно, что годом раньше той же группой ниспровергателей делалось все, чтобы помешать В. К. Чалояну защитить докторскую диссертацию о Давиде Непобедимом, которую они характеризовали как немарксистскую, националистическую, доходя до абсурдного безапелляционного заявления о том, что вопрос об армянской философии надуманный, не имеющий под собой основания и т. д. С этой целью собирались также разные отзывы на его работу с намерением, опираясь на возможные отрицательные суждения, опустить шлагбаум на пути к защите. Любопытно, что высокими инстанциями написать отзыв было поручено также и (ирония судьбы!) А. А. Адамяну. (Разумеется, это было до опубликования его статьи об армянских эстетиках). 25 сентября 1945 г. А. А. Адамян сдал свой «Отзыв о работе тов. Чалояна „Философия Давида Непобедимого (Общие соображения)“», приписав в верхнем углу первой страницы второго экземпляра: «Настоящий отзыв представлен в философский сектор Академии наук для дальнейшего представления в ЦК».

Отзыв оказался не таким, каким ожидали увидеть, ибо в нем вместо осуждения он оценивал работу В. Чалояна как серьезное научное исследование, заслуживающее однозначно положительной оценки. (Из текста отзыва можно понять, что хотели услышать от А. А. Адамяна и в противовес чему он давал свои разъяснения). Так мог поступить не только верный друг, но и преданный науке и истине человек.

Проволочки и препятствия, изрядно потрепав нервы, не смогли, однако, помешать В. Чалояну успешно защитить докторскую диссертацию. И новый виток выпадов в его адрес начался с появлением на свет упомянутых работ В. Чалояна и А. Адамяна. На сей раз прежние обвинения в адрес диссертации В. Чалояна были повторены в отношении уже его книги «Философия Давида Непобедимого».

Еще больше досталось А. Адамяну, который к этому времени лишь представил к защите диссертацию на тему «Вопросы марксистско-ленинской эстетики» (впоследствии по совету В. Ф. Асмуса переименованную в «Введение в эстетику») и должен был еще завершить и издать книгу об эстетических воззрениях средневековой Армении. Травля в отношении него была исключительно жестокой (видимо, не был забыт и его положительный отзыв на диссертацию В. Чалояна). Дважды проиграв в отношении В. Чалояна, они теперь отыгрывались на А. Адамяне и отыгрывались с особым упоением и беспощадностью. В архиве А. Адамяна под названием «Документ (перечисление неприятностей)» сохранились его собственные заметки, проливающие свет на обстановку того времени и раскрывающие содержание и характер предъявляемых ему обвинений. Вот некоторые выдержки из перечня пасквильных выпадов, деликатно названных самим А. Адамяном «неприятностями»: «скрытый враг Адамян», «вредная деятельность», «консультант Юзовского», «космополитизм», «идеализм», «неокантианство», «старый космополит», «кампания против врага» и т. д. Надо учесть, что в условиях того времени это были не просто слова, а прямой политический донос, и в определенной ситуации они могли приобрести зловещую силу приговора. При этом «критиканов» не остановило даже то, что незадолго перед этим в 1945 г. А. Адамяну было присвоено в связи с 60-летием почетное звание заслуженного деятеля искусств АрмССР.

Под разносный обстрел были взяты все его публикации по вопросам и теории, и истории эстетики, в том числе статья «Эстетика как социальная наука», в которой он якобы «открыто преподносит армянским читателям взгляды современных неокантианцев» и далее в том же духе. Не обошли подобным же «вниманием» и его диссертацию. Но особенно болезненными были покушения на святая святых — на историю армянской эстетической мысли, существование которой отвергалось с порога. Выступления недругов пестрели такими выражениями: «В Армении не было эстетики», «Не доказан тезис о социальной полезности искусства», «идеализация прошлого», «Адамян на основании двух-трех вырванных из контекста высказываний древнеармянских грамматиков конструирует целую армянскую эстетическую школу, приписывая ей все мыслимые заслуги и достоинства» и т. д.

В связи с этим два штриха к портрету А. Адамяна.

1. Глубоко переживавший и недоумевавший по поводу недружелюбного отношения к нему в Армении, так резко контрастировавшего с безграничным уважением, буквально пиететом к его личности в Ленинграде (сохранившимся и после его смерти), он, не без удовольствия выезжая в командировки в город на Неве, в который он остался влюбленным до конца жизни и где его в любой момент могли принять с распростертыми объятиями, не позволил даже подумать о том, чтобы покинуть горячо любимую, но столь негостеприимно принявшую его в свое лоно Родину.

2. С присущим ему достоинством принимая падавшие на него удары, он, тем не менее, был далек от высокомерия: блестящий полемист А. Адамян, не оставаясь в долгу перед «критиками», в то же время благородно пытался найти если не оправдывавшие их, то смягчающие моменты, пытаясь усматривать причину их поведения в невежественности¹. Но, давая достойный отпор своим недругам и защищая самое дорогое для него — утверждение наличия и необходимости изучения истории эстетической мысли в Армении, он не уподоблялся им и не отвергал с порога даже их наскоки, но старался выудить даже в оскорбительных замечаниях все то, что могло помочь совершенствованию его исследования. И это при том, что выпады в его адрес не имели ничего общего, пусть даже с самой острой, научной критикой. Это был настоящий убойный огонь на поражение, поэтому и вопрос решался, к сожалению, не с позиций разума и логики, а посему и не в пользу А. Адамяна.

Он стал «персона нон грата», человек на подозрении. И санкции не замедлили сказаться. Его имя не было включено в словник намечавшейся к изданию БСЭ. Его последовательно вытесняли с преподавательской работы (перевод со ставки на полставки, затем на почасовую оплату), он был освобожден из Сектора философии, что лишило его возможности работать над своей основной книгой по армянской эстетике². В результате различных препон он так и не защитил диссертации. Более того, когда книга, невзирая ни на что, была завершена и сдана в производство, то приостановили ее издание. В письме И. М. Геодакян от 25 мая 1947 г. он сообщает: «А знаете ли Вы, что мою армянскую эстетику приостановили печатанием, т. к. вытребовали в Москву. Грешен, чувствую интригу и думаю, что тут замешана грязная рука Н. Увидим». Другой бы махнул рукой, отказавшись от замысла издать книгу. Но не таков был А. Адамян —

подлинный рыцарь науки, который рассматривал свою работу не как нечто личное, а как важное общественное, национальное дело³, ради чего принес в жертву диссертацию, так и не защитив ее и продолжая шлифовать и совершенствовать искусственно задержанную изданием книгу об армянской эстетике, ставшую главным делом его жизни.

В своих уже цитировавшихся заметках А. Адамян называет имена и авторов хлестких выражений и оценок, и тех, кто был на его стороне и поддерживал устными и письменными отзывами. Имена первых я не привожу, щадя чувства их родных и близких. Но не могу отказать себе в удовольствии упомянуть тех, кто поддержал А. Адамяна в тяжелую пору его жизни, подтвердив в том числе и правомочность и необходимость его пионерской работы в обосновании наличия эстетической мысли в Армении. Это — В. Ф. Асмус, В. Н. Лазарев, Б. А. Фингерт, М. В. Серебряков, В. К. Чалоян, Козлов и др.

Благодаря последовательности А. Адамяна и поддержке его друзей в 1955 г. был снят, наконец, запрет на издание его книги, которая 6 августа 1955 г. была повторно сдана в производство и в том же году вышла в свет в издательстве «Айастан» в Ереване тиражом в 3 тыс. экземпляров.

Но, увы, подорванное травлей здоровье (в его заметках есть упоминания о сердечных приступах в ту пору) резко сократило ему жизнь, и 17 февраля 1956 г. его не стало. Но началось подлинное бессмертие А. Адамяна — ученого, человека, гражданина.

Глубокой, проникнутой теплым чувством уважения к автору рецензией «Интересный труд по истории армянской эстетической мысли» на книгу А. Адамяна откликнулся в газете «Коммунист» 18 сентября 1956 г. Сен Аревшатян — ныне академик НАН Армении, директор Матенадарана. Вышел и ряд других статей.

Автор этих строк, готовя в 1977 г. к изданию в Москве третий посмертный сборник трудов А. Адамяна, не без чувства реванша включил в него труд по истории средневековой армянской эстетики, тем самым как бы окончательно преодолевая в свое время навязанное из Армении Москве табу на издание его даже в Ереване и ныне приобщив к нему огромное число новых читателей (тираж 10 тыс. экземпляров) за пределами Армении.

В июне 1984 г. в Ленинградской консерватории им. Римского-Корсакова состоялось торжественное собрание, посвященное 100-летию А. Адамяна. Этой же дате были посвящены публикации в армянской печати.

В 1989 г. в издательстве «Советакан грох» вышла в свет первая монография об армянском эстетике «Аршак Адамян» ленинградского эстетика и музыковеда А. А. Фарбштейна.

А в Армении с 1956 г. началось систематическое изучение истории армянской эстетической мысли в Секторе, а затем в Институте Философии и права Академии Армении.

Деятельность А. Адамяна многогранна, и он оставил заметный след в нескольких областях знания. Однако подлинное бессмертие себе он обеспечил тем, что буквально ценой своего здоровья и жизни утвердил наличие армянской эстетической мысли, став основоположником нового направления в арменоведении и открыв дорогу последующим поколениям в Армении и вне ее без преград и препон продолжить начатое им благородное дело изучения истории армянской эстетической мысли, для которых он и его замечательный труд навсегда остаются путеводной звездой.

Такова нелегкая, поистине драматическая судьба зарождения науки об истории эстетической мысли в Армении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О том, что они были невежественны, он прямо заявлял в одном из своих писем акад. В. А. Амбарцумяну и в отзыве на диссертацию В. Чалояна, в котором высказывал мысль, что «хорошее знание нашей прошлой культуры», по его мнению, могло бы оградить от скептически-нигилистического отношения к армянской философии и к Давиду Непобедимому в частности. Экстраполируя этот аргумент на ниспровергателей армянской эстетики, мы могли бы сказать, что они не то чтобы хорошо, но вообще не знали ни нашей культуры, ни особенностей развития отвергаемой ими эстетики, развивавшейся сотни лет в лоне других областей знания, в том числе и грамматики.

2. В «Заметках» А. Адамян лапидарно отмечает: «Прекратил исследовательскую работу, нет материальной базы. Сейчас мои „Граматики“».

3. В тех же «Заметках» он пишет: «В чем моя заслуга? Борьба против национального нигилизма у Адонца». Надо полагать, что он имел в виду не одного Адонца, а и современных ему национальных нигилистов.

*Я. И. Хачикян. Наедине с ушедшим.
Калейдоскоп воспоминаний, Е., "Айагитак", 2002*